

Живопись Шварцмана экспонировалась в Русском музее в 2001 г., в Мраморном дворце. Там можно было видеть его «лики» и «иературы» — так он называл свои, грубо говоря, абстрактные архитектурные композиции. Они же — «знаки невидимой реальности», «знаки врат, прохода в нумен», «ситуации иррациональных миров» и т. д.

Холодное зеленоватое свечение, прекрасная и хотя и несколько давящая живопись. В некоторых кругах существовал прямо-таки культ Шварцмана, это вызывало иронию, но на выставке в Мраморном в подлинности его достоинств, его, скажу и я: величия можно было убедиться. Величия, которое ассоциируется с какими-то древними царствами, а тут исходит от одного человека. Не как претензия, а как осуществление.

Главный антипод концептуалистов на московской сцене — для них его «иературы» были всего лишь «кардиограммами безумия» — для питерцев был притягательнее прочих москвичей. Более чем кто-либо из них он повлиял на здешнее искусство, разумеется, неофициальное. На Михаила Шемякина и Жанну Бровину, называющих его своим учителем. Косвенно на многих других. Был другом ленинградских поэтов: Виктора Кривулина и Лены Шварц; наезжая в Москву, к нему заходили Олег Григорьев и Олег Охупкин.

Шварцман родился в 1926 году, умер в 1997-ом. Как обычно для тех, кто в 1950-е гг. искал для себя идеологию, отличную от марксистско-ленинской, его мировоззрение реконструирует некоторые идеи и концепции Серебряного века. В его случае: новый синтез религии и искусства, искусство как теургию, необходимость мистического опыта, утопизм — веру, что грядет иное, новое — так, он считал, что создал язык третьего тысячелетия.

Как человек эпохи семиотики, он рассматривал мир через понятие знака: верил в «космический знакоток». На службе же, в художественно-конструкторском бюро, которое возглавлял, разрабатывал знаки товарные.

Озабоченный тем, чтобы ни быть с чем-либо отождествленным, куда-то вписанным, говорил о себе им же изобретенными словами. До Шварцмана существовало слово «иератизм». Шварцман употребляет: иерат, иература, иератика и т. д. — с десяток слов с этим корнем. «Я — иерат!» — заявляет он. Было над чем посмеяться.

Если самый знаменитый концептуалист Илья Кабаков методично низводит художника как род с пьедестала, вытравливая «низкопоклонство перед чудом искусства», Шварцман ставит себя, Творца, на запредельную высоту. Он даже не посредник по отношению к Высшим силам, он сам — эта Высшая сила. О чем Кабаков в своей книге «60 —70-е...» — повествует в обычном манере: издевательств в форме преувеличенного комплимента. Пишет об ужасе и трепете, исходящем от картин и от личности художника. О чувстве приобщения к чему-то небывалому. О несовместимости того, что тебе показывалось, с тобой, с твоим человеческим пониманием, твоей человеческой сущностью. Того, что «обладало каким-то особым воздействием, тяжелой и гнетущей атакой, излучением чего-то, что с ужасающей силой вынуждало тебя восхититься и преклониться перед собой».

Шварцман же видел в Кабакове — мошеника.

Но круг был все-таки один, и была точка, в которой они сходились — антиэстетизм.

Кабаков создает не живопись, а формы рефлексии, в которых главную роль играют сопроводительные тексты — собственные и комментаторов. Для Шварцмана восприятие его работ просто как живописи — их профанация. Они — «свидетельство о Духе Святом».

Тем не менее: кто опровергнет этот факт — картины Шварцмана представляют ценность только для тех, кто любит живопись. Совершенно вне зависимости от того, религиозны эти люди или нет. Для людей религиозных, но равнодушных к живописи, они ничего значить не будут. Или люди ортодоксальные будут скандализированы.

Веруешь или нет — Бах для тебя великий композитор, «Братья Карамазовы» — великая книга.

Выставка в корпусе Бенуа величием не подавляет. Графика — вещь камерная, интимная. Тонкая линия, обаятельное рисование. И неожиданно: сколько мягкости, нежности, юмора. Парадоксально: но чем менее натуралистично, более знаково — тем менее отстраненно, тем нежнее. Кроме абстрактных композиций — головы и фигуры. Собачьи и лошадиные — не морды — лики.

Высвечиваются особые отношения с театром, точнее — с балаганом. Множество культурных ходов. Можно разглядеть, как он шел к «иературам». Нормальный художник.

Да, выставка — свидетельство. О присутствии высокого искусства. Без кавычек.

Кабаков, объясняя отношение Шварцмана к своим иературам, истолковывает состояние, в котором он их создавал — психофизиологически — как род самовзвнчивания, аналогичного шаманству или практики трясун.

Может и так. Кабаков очень умный, очень здравый человек.

Но тут и приходит на память:

Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман.